

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: ХРАНИТЕЛЬНИЦА ТРАДИЦИЙ И КУЛЬТУРЫ

Лисицкая Елена Анатольевна, методист
муниципального казенного учреждения
культуры «Центр ремесел» Тулунского
муниципального района, E-mail:
lisickayaelena@yandex.ru.

Аннотация: Русская деревня – это не просто географическое понятие, а целый мир со своей уникальной культурой, вековыми традициями и особым укладом жизни. Хранительница народной мудрости, песен, ремесел, передаваемых из поколения в поколение. Здесь связь с землей, с предками ощущается особенно остро. Сегодня село переживает нелегкие времена. Урбанизация, отток молодежи, экономические трудности – все это ставит под угрозу существование многих деревень. Важно поддерживать и развивать сельские территории, сохранять их культурное наследие, создавать условия для комфортной жизни и самореализации сельских жителей. Сформировавшись на основе аграрной деятельности, деревенская жизнь неразрывно связана с природой и её циклами. В статье мы подробно рассмотрим жизненный уклад потомков белорусских крестьян – переселенцев Тулунского района, как традиционные ремесла отражают культурные особенности региона и как они влияют на сохранение культурного наследия российской деревни. Важно отметить, что традиционные ремесла не только служат важным элементом культурной идентичности, но и являются одним из способов экономической устойчивости деревень. Они могут стать основой для развития местного туризма, привлечь внимание к уникальным продуктам и умениям, способствуя тем самым экономическому возрождению. Мы рассмотрим ремесла, такие как травоплетение, ткачество, которые являются

яркими примерами местного самобытного творчества. Исследования покажут, как мастерство ремесленников передается через поколения, как оно соединяет современность и традиции, а также как содействует поддержанию социальных связей в обществе.

Данный сборник наводит на переосмысление развития традиционных ремесел, как важного аспекта культурного наследия, который поможет не только сохранить уникальность русских деревень, но и создать новые возможности для сохранения культурной самобытности.

Ключевые слова: белорусские переселенцы Сибири, традиционные ремесла, сохранение культурного наследия, региональные аспекты.

Село – это не просто географическая единица, это сердце и душа России. В каждом уголке нашей страны, от северных просторов до южных полей, село хранит в себе уникальную культуру и традиции, которые передаются из поколения в поколение. Эти традиции формируют не только облик сельской жизни, но и национальную идентичность, связывая людей с их корнями и историей. Культура села многогранна и разнообразна. Здесь можно встретить яркие народные праздники, такие как Масленица, Ивана Купала и Пасха, которые объединяют людей и наполняют жизнь радостью и смыслом. В каждом селе есть свои обычаи, связанные с земледелием, ремеслами и семейными ценностями. Мастера народного творчества, сохраняя старинные техники, создают изделия, которые становятся символами местной культуры. Ремесла, такие как ткачество, резьба по дереву, лозоплетение не только поддерживают экономику, но и служат важным элементом культурного наследия.

Цель статей сборника рассмотреть жизненный уклад потомков белорусских крестьян – переселенцев Тулунского района, творчество мастеров - ремесленников, как важных элементов культурной идентичности в создании основы для формирования сообщества.

Тулунский район - маленькая частица Сибири, расположившиеся у хребтов восточного Саяна. Площадь района – 13,5 тысяч квадратных

километров, а проживают на них чуть больше 19 тысяч человек. Великую Россию составляют множество таких небольших, казалось бы, ничем не примечательных, муниципальных образований. И все же, у каждого уголка нашей Родины есть свое, неповторимое лицо. И составляют черты этого лица не только географическое расположение, климат, наличие или отсутствие природных ископаемых, но и главное – бережно сохраняемые традиции, обычаи и уклад жизни местного населения.

Народная культура русского старожильческого населения Тулунского района Иркутской области формировалась в ходе заселения и хозяйственного освоения обширных территорий на протяжении нескольких столетий. Селения, в которых проживали и проживают сейчас русские, как правило, создавались на основе чалдонских хуторов и поселков, что практически исключало или сводило до минимума продуктивные связи, но вместе с тем создавало благоприятные условия для сохранения и длительного существования локальных народных традиций.

Наряду с обособленным типом русских селений в этом крае существовали деревни открытого типа, население которых устанавливало тесные контакты с местными жителями, воспринимало материальную культуру коренного народа – бурят, способы охоты, многие элементы быта, религиозные верования. Неизбежно шло обогащение языка, в первую очередь за счет терминологии своих новых соседей, связанной с охотничьим бытом (например, русскими заимствуются у бурят и активно ими используются в речи названия диких животных: гуран – дикий козел, инзаган – коленок дикой козули, хандагай, кандагай – лось, солонгой – хорек, хорь, толуй, толай – степной горный заяц и др.; вошли в речь русских названия некоторых диких растений: мангир – дикий луке, ургуй – цветок, подобный подснежнику, карагана – колючий мелкий кустарник и др. заимствуются русскими и названия некоторых предметов: ишигенка – козлячья шкура, тулун – кожаный мешок, шигда – сухожилие по бокам хребта у козули, из которой выделяется крепкая нитка и т.д.) [1]

Являясь сложным конгломератом языческих и православных христианских представлений, в то же время культура русских старожилов определялась особенностями отдельных этнографических групп восточнославянского населения: этническими белорусами – выходцами из Витебской, Гомельской, Минской, могилевской губернии и др. украинцами – из Киевской, Сумской, Харьковской и других губерний, которые активно заселяли этот край во второй половине XIX – начале XX столетий, притом их заселение осуществлялось в несколько этапов.

В результате возникали селения смешанного типа, в которых проживали русские, белорусы, украинцы, буряты. Вместе с тем формировались и селения, состоящие только из переселенцев: выходцев из разных местностей белорусской и украинской этнических территорий, которые осваивали улицы по земляческому признаку, «гнездами».

Относительная территориальная обособленность таких «краев», нередко поддерживаемая враждой между землячествами, создавала защитные барьеры, затруднявшие взаимопроникновение фольклорных традиций. В таких сёлах до наших дней сохраняются очаги самобытной культуры, отличные друг от друга в архитектуры построек, планировке дворов, резьбы по дереву (например. Наличники и др.), по узорам и вышивке, кружевах, ткачестве, по песенным стилям. [1].

Народное творчество в области декоративно – прикладного искусства представляют собой неотъемлемое достояние и национальное богатство жителей сёл, проживающих на территории Тулунского района.

Хозяйственная деятельность и климатические условия явились предпосылками возникновения определенных видов ремесел и декоративно – прикладного творчества на территории города Тулуна и Тулунского района. Обилие лесов способствовало развитию ремёсел, связанных с художественной обработкой дерева, бересты. Суровый климат вынуждал население Тулунского района заниматься пошивом, вязанием теплых вещей, валянием из

шерсти. Местное ручное вязание и ткачество, изготовление кукол имели традиционный домашний характер.

Сибирь, в отличие от европейской России, никогда не была землей одного народа. Одни ехали сюда в поисках свободы и лучшей доли, других ссылали насильно. В результате создавалась необычная этническая среда, в которой переплетались совершенно далекие друг от друга в плане языка, культуры, религии нации и народы.

Благодаря тому, что переселенцы уехали из метрополии еще до прихода советов, им удалось сохранить свой язык и обрядовость в первоизданном виде. Изыскания в области истории традиционной народной культуры в Тулунском районе особенно ценны. Традиционные художественные промыслы и ремесла населения до настоящего времени, к сожалению, не являются предметом специального исследования. Хотя они уникальны, имеют свои условия возникновения, эволюцию, многообразие видов, техник.

Усадьбы потомков белорусских крестьян – переселенцев Тулунского района

В начале XX в. вояремя столыпинской аграрной реформы происходило массовое переселение белорусов в Сибирь. Переезжая в поисках земли и лучшей жизни, они часто образовывали в новых местах целые деревни. На территории Иркутской области таких поселений довольно много, в том числе деревни Икей, Одер, Нижний и Верхний Бурбук в Тулунском районе.

На новом месте переселенцы стремились организовать свою жизнь соответственно тем представлениям и традициям, которые формировались в течение длительного времени на их родине. В то же время им приходилось приспособливаться к местным природным условиям. В результате появились деревни со своеобразной архитектурой и бытовым укладом, частично сохранившимися и до сегодняшнего дня.

Планировка поселений белорусов в Иркутской области времени столыпинской реформы не отличается разнообразием: это длинные прямые

широкие улицы, расположенные на открытых возвышенных местах. Потому улицы этих деревень совсем не похожи на узенькие мощеные булыжником улочки белорусских «вёсок» начала XX века. Во всех переселенческих деревнях ширина улиц достигает 40 и более метров, улицы не подчеркивают рельеф местности и почти не зависят от него. Напоминают о далекой родине лишь колодцы – журавли, изредка стоящие по обочинам этих огромных улиц (Рис. 1).

Усадьбы и постройки белорусов в Тулунском районе. Например, в д. Икей сосуществует два отличающихся друг от друга вида жилья переселенцев начала XX в. Первый из них представляет собой почти квадратные хаты, срубленные из кругляка с выпусками, с двумя окнами в улицу, смещенными к одной стороне лицевого фасада, очень похожие на белорусские. Рубка углов с выпуском напоминает различные приемы рубки западных регионов Беларуси, однако по типу замка это тот же «простой замок», хотя и имеющий некоторые отличия в форме обтесывания бревна. Другой вариант – это высокие дома с рубкой углов «в лапу», с четырьмя окнами на продольной стене, стоящей вдоль улицы, и высокой четырехскатной стропильной крышей. [1].

В деревнях Нижний и Верхний Бурбук улицы протянулись с юга на север, это повлияло на устройство дворов. Дворы здесь имеют выраженную веночную планировку, с той лишь разницей, что дома стоят в улицу узким фасадом и замыкается она воротами. У всех домов дворы расположены с южной стороны. У многих домов с северной, противоположной двору, стороны, не имеющей окон, сделан бревенчатый пристрой – «застенок», соединенный со срубом при помощи столбов в паз и покрытый крышей, продолжающей скат крыши дома. Пристройки такой конструкции очень распространены за Байкалом, но называются там хлевами или стайками и в них держат скот, здесь же их используют в основном как подсобные хозяйственные помещения. Крыши как на старых домах (из дранки), так и на более новых (из шифера) сделаны своеобразно: с напуском верха северной плоскости над южной, со стороны господствующих ветров. Считается, что

такой прием покрытия характерен для Беларуси, правда в осмотренных нами районах мы его не встречали.

Дома в Нижнем и Верхнем Бурбуке рубили из кругляка, двумя окнами в улицу, окна смещены к одной стороне фасада, крыши полустропильные. Интересно, что и в старых домах с тремя окнами на уличном фасаде, по внешнему виду больше похожих на русские, на лицевом фасаде нескольких домов видны торцы трех потолочных балок, напоминающих «трам». Козырек на уличном фасаде между стеной и дощатым фронтоном присутствует здесь не на всех домах. Дома имеют окна небольшого размера с наличниками почти без декора и ставень.

Обычно во дворе, напротив дома, находится большой поземный амбар, называемый в Беларуси «клеть», под выносом крыши которого, со стороны улицы, до самой кровли сложены дрова (Рис. 2).

Такой прием хранения дров распространен во всех районах Беларуси. В деревне Звяги Городокского района на территории Поозерья на этом месте стоят «пуни», в которые складывают сено и дрова. Возможно, здесь произошло своеобразное совмещение традиций. В Нижнем и Верхнем Бурбуке кое-где в амбарных дверях выпилено отверстие для кота – деталь, характерная для каждого белорусского амбара. [2]

В д. Одер Тулунского района первые дома белорусских переселенцев рублены из кругляка с остатком. С северной стороны расположен «застенок». Самый старый дом, построенный первыми переселенцами, – почти квадратный в плане, с верхним перерубом из двух бревен, с типичной белорусской внутренней планировкой. Четыре окна в улицу оформлены лаконичными наличниками без ставней.

Во дворах старых усадеб этой деревни преобладают широкие, почти квадратные, однокамерные амбары и хозяйственные навесы с длинным крутым скатом и очень низкими срубами стен из трех-четырех бревен. Подобный прием строительства дворовых построек так же характерен для

народных белорусских традиций. Все постройки были покрыты коротким и тонким драньем.

Деревянная архитектура переселенцев из Белоруссии в Тулунском районе имеет свои отличительные черты: веночную планировку дворов, дома в основном рубленые из кругляка, но характерных белорусских пропорций, и высокие «круглые» дома рубленые «в лапу». Окна на тех и других без наличников. По рассказам старожилов и сохранившимся деталям (рейками, прибитыми снизу наличника и деревянным вертушкам по бокам), оставшимся на некоторых наличниках, можно утверждать, что примерно до 1950-х гг., когда рамы в окнах были одинарными, окна в зимнее время закрывались снаружи деревянными щитами. Именно такие щиты изначально и назывались «вставнями» и были без навесов, поскольку их ставили на рейку и закрепляли по бокам вертушками. Кровли крыш с напуском одного края над другим.

Дворы открытые, сформированные по типу веночного и двухрядного погонного, часто не относящиеся в полной мере ни к одному из них, но содержащие элементы обоих. Встречается расположение построек, которое можно отнести к Г-образному, более распространенному в центральных регионах Республики Беларусь, но оно, скорее всего, возникло в результате разомкнутого «венца». Хозяйственные постройки – амбары, навесы, стайки – заметно большего размера, чем постройки русского старожильского населения, встречаются амбары с выносом козырька на торцевой стороне. [3]

Довольно часто несколько стоек накрыты общим большим навесом, а не отдельными крышами. Способ рубки хозяйственных построек – «в столбы» («в шулы»). Это основные внешние характеристики белорусских дворов.

Особо стоит сказать о традиционном внутреннем устройстве жилья белорусов. Обстановка в хате состояла из нескольких функциональных зон, расположенных вокруг печи. При почти квадратном срубе хаты бытовало угловое расположение печи, слева или справа от входной двери, устьем она была повернутым к двери хаты. Ориентировка устья печи определяла и расположение всего внутреннего обустройства. Белорусские печи отличались

от русских не только расположением устья, но и тем, что они более разнообразны по функциональным деталям, например, под шестком у них устраивалась полка для посуды, а иногда и две полки с дверками. Кухонная зона находилась напротив устья печи, у входной двери. Еще одна функциональная зона – спальная – располагалась у глухой стены за печью, где «пол» или «нары» для сна, настилались примерно на высоте 70 см от земляного или глинобитного когда-то «тока» (эта высота определялась высотой деревянного подруба печи, который при топке не прогревался). Спальная зона часто завешивалась пологом, наброшенным на «ашостак», округлую жердь, одним концом крепившуюся к специальному кронштейну, а другим в противоположную стену, отделяя жилую зону от спальной. Рядом со спальной зоной висела люлька («колыска»), подвешенная к деревянному колку, укрепленному в щели между балкой и потолком. Внутреннее убранство осмотренных нами хат пострадало от времени гораздо больше, чем внешнее: кое-где на прежнем месте сохранились печи (Рис. 4), кое-где на потолке можно еще увидеть «колок» для «колыски», да расписанные масляными красками белорусские ковры – «дываны» (правда купленные в 1950-х гг. у заезжих торговцев). [4]

Строительная культура белорусов сохранила многие черты и приемы той местности Белоруссии, выходцами из которой были строители. Об этом свидетельствуют формы и пропорции домов, несколько разновидностей рубки углов, отличных от сибирских, конструкция стропил, кровли и потолочного перекрытия, оконные наличники, расположение и формы дворовых построек, их использование. Сохранились в быту и некоторые белорусские названия: «хата», «нары», «застенок» и др.

Спиральное травоплетение белорусских крестьян - переселенцев Тулунского района как объект нематериального этнокультурного достояния Иркутской области.

В последние десятилетия и по сегодняшний день вопросы сохранения нематериального культурного наследия остаются одной из основных тем

культурной повестки России, поскольку духовная культура является тем самым последним рубежом, падение которого приведет к уничтожению базовых основ национального самосознания многочисленных народов нашей страны и неизбежной утрате уникальных этнокультурных черт этнических сообществ в неумолимом процессе глобализации. В сложившейся ситуации решение вопросов сохранения этнокультурного многообразия взяло на себя правительство страны с изданием нормативной базы, регулирующей отношения в сфере выявления, изучения и сохранения нематериальной культуры, где основным механизмом её учёта и сохранения стало ведение реестров объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях.

Однако, в связи с отсутствием долгие годы систематической работы по выявлению и изучению нематериальной культуры этносов, проживающих на территории Иркутской области, наполнение вышеуказанных реестров встречает множество трудностей. Процесс изучения культурных взаимодействий в «постпереселенческий» период на территории области имел фрагментарный характер, а выявление традиций, бытующих в настоящее время и характеризующих этнокультурные особенности современных сообществ, почти не ведется. Таким образом, имея целью выявить локальные этнокультурные особенности белорусских переселенцев Тулунского района Иркутской области, в качестве объекта изучения была выбрана и описана технология травоплетения, как культурный маркер и одна из технологий, имеющая широкое распространение на территориях исхода переселенцев и сохранившаяся на исследуемой территории Иркутской области в настоящее время.

Источниками для исследования стали этнографические материалы, представленные информантами – потомками переселенцев носителей белорусской культуры, переехавших в Тулунский район из Могилевской губернии Белоруссии в период аграрной реформы П.А. Столыпина, а также образцы хозяйственных емкостей, переданные потомками носителей в

сельские музеи. В настоящее время образцы хранятся в музеях сельского клуба с. Умыган и школы с. Нижний Бурбук Тулунского района Иркутской области (Рис. 4, рис. 5). Представленные для исследований образцы позволили изучить и реконструировать технологию спирального плетения.

Первые переселенцы появились на территории нынешнего села Умыган Тулунского района около 1900 г. К 1908 г. были заселены уже три улицы, а в 1930 г. в Умыгане был организован колхоз «Верный путь», просуществовавший до 1996 г. Информантами, передавшими сведения о традиции белорусского спирального соломоплетения в Тулунском районе, стали представители семьи Маркевич, предки которых приехали из Могилевской губернии Белоруссии в село Умыган. То, что им могло пригодиться переселенцы, везли с собой, однако некоторые предметы пришлось изготавливать уже на новом месте. Отец старшего из информантов, Мефодия Кирилловича Маркевича (1923 – 2002), был мастером в плетении корзин из лучины и соломы для хозяйственных нужд. Они использовались для сбора и хранения различных продуктов и материалов. Также плетеные емкости, сделанные из лучины и соломы (севалки), пригождались при посеве зерновых культур. Это было удобное средство для переноски и разброса семян. Кроме того, мастерство плетения корзин, передававшееся в семье, приносило дополнительный заработок и помогало легче адаптироваться к новым условиям жизни. Сын Мефодия, Виктор Мефодьевич Маркевич (1955 – 2023), сохранил традицию до настоящего времени.

Белорусские переселенцы в крестьянских миграциях второй половины XIX – начала XX вв. составляют значительную долю. В частности, по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г., которые дают представление об этнодемографических сдвигах вследствие переселений, белорусы на территории Сибирского края являлись третьей по численности этнической группой после русских и украинцев. Основная масса переселений белорусских крестьян на территорию Восточной Сибири пришлась на период аграрной реформы П. А. Столыпина (1906-1917 гг.). По данным той же переписи 1926

г. самый крупный ареал расселения белорусов в Прибайкалье находился в Тулунском округе. Важно так же отметить, что на территории Забайкалья не сложилось значимых мест проживания белорусских переселенцев (в основном, в связи с неблагоприятными условиями для развития земледелия) [5], что дополнительно усиливает уникальность прибайкальских белорусских традиций.

Традиционная технология спирального плетения белорусских переселенцев Тулунского района

Технология реконструирована по этнографическим образцам.

В качестве материалов для плетения использовалась соломка злаковых культур. При реконструкции технологии Е.А. Лисицкой было замечено, что ржаная соломка наилучшим образом подходит для целей плетения. Стебель ржи среди всех злаковых растений имеет наибольшую длину и отличается прочностью. В замоченном состоянии солома ржи наиболее мягкая и пластичная. Пшеничная соломка также пригодна для плетения, но она короче, грубее и толще ржаной.

Перед использованием солому замачивали на период от одного до двух часов. Готовность определялась по пластичности материала.

Предположительно соломку заготавливали в конце августа до начала уборочного периода, когда колос только начинает наливаться. Без механизированной сборки стебли срезались у самой земли. Если заготовленная солома была сырая и зеленоватая, то её нужно было просушить, иначе она перепреет, почернеет и станет непригодной для плетения.

Сущность спирального плетения заключается в том, что слегка скрученный соломенный жгут обматывается прочной лентой из лозы (корня, лыка или бересты) и укладывается по спирали плотными витками. Толщина жгута зависит от размера изготавливаемого изделия, а его объем формируется в процессе плетения. Жгут, который укладывается по спирали, расширяется или сужается, одновременно наращивая объем в высоту. В результате изделия, выполненные в технике спирального плетения, имеют округлую,

шарообразную или цилиндрическую форму с круглым или овальным основанием.

Плетение любой емкости начинали с середины дна. В начале плетения из увлажненной соломы нужно сформировать пучок необходимой толщины, который служит основой для спирального плетения. Из пучка формируют жгут, который в дальнейшем подлежит оплетанию лозой. Для этого конец пучка обкручивается лозой, загибается на 1–2 см и стягивается с основным телом пучка, свернув его в плотное колечко (Рис. 6, 1).

Далее свободный конец пучка огибают вокруг согнутого конца в сердцевинке и повторно стягивают с пучком формируя первый виток спирали (Рис. 6, 2).

После этого соломенный жгут оборачивается вокруг образовавшегося кольца, постепенно наращивая спираль. Каждый новый виток плотно прижимается к предыдущему. Важно следить за равномерностью натяжения нити или ленты, чтобы плетение получилось ровным и прочным (Рис. 6, 3).

После каждого оборота ивовой ленты лозы вокруг пучка, конец ленты (для удобства работы лозу на конце заостряли либо использовали деревянный челнок) просовывается под очередной виток лозы, расположенный на предыдущей спирали. С увеличением диаметра выплетаемого круга расстояния между лентами (полосками) лозы увеличиваются, поэтому, чтобы дистанция между витками была все время более или менее одинаковая, время от времени делают «холостые» обороты лозы вокруг жгута, подцепляя после этого нужный виток лозы.

Чтобы укладываемый жгут оставался прочным и красивым, необходимо следить за тем, чтобы лоза не перекручивалась и правильно располагалась при каждом обороте. Нужно также следить за тем, чтобы толщина жгута была всегда постоянной, вовремя добавляя новые пучки соломы. Традиционно толщину жгута могли контролировать с помощью металлической трубки соответствующего диаметра.

При окончании работы над изделием остаток жгута подрезается так, чтобы он плавно переходил к тонкому концу. После этого его обматывают лозой, и соединение жгута становится почти незаметным.

Для выплетания ручки или ажурного просвета в стенке емкости жгут обвивали лозой на протяжении 4-7 см и затем прикрепляли к предыдущему ряду так, чтобы образовалась дуга.

Укладывая жгуты спирально в одной плоскости можно получить плоские круги различного диаметра, которые могли служить подставками или ковриками. Если было необходимо сплести блюдо, чашу или глубокую корзину, то в процессе плетения каждый очередной виток жгута увеличивают или уменьшают в зависимости от формы. Желая сделать стенки сосуда цилиндрическими, жгуты одинакового размера наращивают по вертикали вверх. При увеличении диаметра каждого очередного витка сосуд расширяется, а при уменьшении – сужается. В процессе изготовления предмета формируется объем и форма.

Белорусские переселенцы в Сибири были вынуждены адаптировать технику соломоплетения под местное сырье. Вместо использования традиционных для плетения материалов таких, как пеньковый жгут или бечевка, они начали использовать ивовую ленту (лозу) для сшивания жгутов. Эти материалы были легко доступны, и местные жители обнаружили, что они обладают определенными преимуществами при плетении. Кроме того, одним из ключевых отличий является то, что в Белоруссии для плетения часто используется солома злаковых культур, в отличие от территории Тулунского района, где стали использовать болотные травы (осока) и травы с губчатой полостью стебля. Таким образом, как и в других регионах, где развивалось соломоплетение, в Тулунском районе Иркутской области оно приобрело свои уникальные особенности в материале и технологии, что позволило включить технологию в реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Иркутской области как традицию, характеризующую культурные особенности

этнической общности белорусских переселенцев на территории Иркутской области.

В настоящее время, плетение из трав не является неотъемлемой частью бытового процесса для жителей сельских поселений. Это ремесло приобретает декоративную функцию, сохранив при этом свою значимость как элемент народного наследия (Рис. 7).

Сибирский холст: наследие белорусских крестьян - переселенцев.

В Тулунском районе ткачество занимает особое место. Ткачество в селах было важной частью образа жизни, почти в каждом селе излюбленным занятием было узорное – ремизное ткачество, ткали повседневную и праздничную одежды из льна, незаменимые в избе половики, скатерти, полотенца. Так, например, самотканые рубахи и рушники, со своим орнаментом и композицией рисунка (рис. 5), которые несут обрядовое значение традиционной культуры жителей сёл Умыган, д. Нижний Бурбук, с. Одер, с. Одон, Едогон, Бурхун Тулунского района.

Рассматривая особенности одежды белорусских крестьян-переселенцев в контексте их традиционной культуры жизнеобеспечения, следует отметить большое значение льна для ее изготовления. Белорусские крестьянки ткали на кроснах грубое (зрэбнае) и тонкое (кужэльнае) полотно. При этом в ряде регионов Сибири у русских старожилов, проживавших в непосредственной близости от белорусских переселенцев, культура льноводства имела меньшее распространение или полностью отсутствовала.

«Во времена строительства этнографической деревни Тальцы на Ангаре в одной из горниц красовалось покрывало Гурской Домны Федоровны, переселенкой из Белоруссии, проживающей в селе Большой Одер. Так подружились этнографы в Тулунском районе, где много жило переселенцев из Белоруссии, с Домной Федоровной Гурской. Белорусские женщины — все прекрасные ткачихи, и Домна Федоровна выписала себе семян льна с родной Гомельщины и высеяла их прямо на огороде. На диво всем лен взошел, озарив

округу голубым цветом; хозяйка теребила его, собственноручно мяла, трепала и выткала из этой льняной пряжи покрывало, подарив его музею».

Гурская Домна Федоровна, 1910 года рождения. Ее родители в начале века приехали из Белоруссии. Белорусские традиции сохранились в этой семье, как и во многих других, приехавшие из тех краев. Привезли они с собой семена льна. «только я упорствую, лен сажу. Дочки и внуки не переняли это ремесло» - из воспоминаний Домны Федоровны.

Сеяли лен в хорошо подготовленную пашню, в теплую, но еще чуть влажную землю. «Особенно если залога свежая, то и травы не будет там. Тогда лен чистенький выходит. (залога – это нераспаханная земля, целина). Стремилась это сделать пораньше, в конце мая» (В «Сибирском народном календаре» А. Макаренко для посева льна указывается дата 21 мая – День матери Елены и царя Константина).

Лен на протяжении многих лет спутник женской судьбы. Многое связано с ним, начиная с холщовых пеленок, через девичьи наряды., кончая саваном – белой холстиной, покрывающей человека на смертном одре. Жизнь женщины складывалась так, что она с ранних лет должна была готовить приданое к свадьбе. Поэтому и работы со льном ей было не избежать. Едва светло – зеленые в елочку стебельки пробьются на свет, как приходит конец весне, грозившей холодом крохотным живым растениям. После прополки сорняков, примятый ногами, лен имеет свойство выпрямляться с первым дождичком. Лен вырастает примерно высотой с один метр, бывает и меньше, называемый кудряш. «Цветочки голубенькие, красивенькие, - с особой теплотой рассказывает Домна Федоровна. – И только цветет до обеда». И впрямь, когда лен цветет – словно синее небо опускается на поле. Голубенькие лепестки опадают после обеда и на месте цветка образуются семена (коробочки).

Лен положено было вытеребить до Успенieва дня (к концу августа). Лен рвут руками, обязательно с корешками. Домна Федорова выстилала лен прямо на покосе, здесь же он вылеживался примерно с месяц. Разность ночных и дневных температур помогает «дойти» льну до нужного состояния.

Из воспоминаний Домны Федоровны – «А вот пойду, поутру, если он треться, то уже можно собирать, передержишь – порвется. Подбираем, в снопы вяжем, постелем подстилку и пранником (вальком), чтобы семена осыпались».

В период расстила льна ночью выпадает на скошенные луга крупная, чистая и еще не очень холодная роса. Она просто необходима, чтобы лен превращался в тресту (треста – от слова «трескаться» - стебель льна на высушке). От ежедневной смены тепла и свежести, сухости и сырости стебель становится из гибкого хрупким. Вылежавшийся лен узнавали по хрупкости стеблей и легкости отделения костры (костра – жесткая кора растений, негодных для пряжи льна, конопли). Затем выбирали теплый безветренный день и поднимали тресту. Ставили ее в снопы.

Из семян льна, конопли при помощи горячей печи и сдавливания зерен добывали масло. Льняное, конопляное масло шло не только в пищу, но и для изготовления олифы, которая так была необходима для православных художников: писали иконы. Перед началом работы, на каждое дело Домна Федоровна молилась и приговаривала - «Господи, Боже, помоги. Господи, Боже благослови».

Помимо льна, в качестве традиционных материалов для изготовления одежды у белорусов также выступали конопля, овечья шерсть, кожа свиней и крупного рогатого скота [12].

Во многих деревнях в первой половине XX в. холщовую одежду красили корой лиственницы, липы, ивы и некоторых других деревьев, а также корнем калгана дикого, которые предварительно кипятили. Чаще всего подобные красители придавали одежде различные оттенки коричневого цвета. Для окраски шерстяной одежды использовали луковую шелуху. Параллельно с естественными красителями крестьяне широко использовали покупные краски, однако далеко не все семьи имели возможность их приобрести. В типичном варианте традиционный комплекс мужской одежды белорусов состоял из длинной (почти до колен) сорочки (рубahi) из домотканого полотна с отложным или стоячим воротником. Он имел разрез-застежку по центру в

отличие от рубах русских, для которых был характерен разрез сбоку [14, с. 234]. Сорочки чаще всего были белого цвета и носились навывпуск под пояс. Орнаментальные украшения имели лишь праздничные мужские сорочки. Короткие рубахи часто называли словом «кашуля». Пуговицы для рубах во многих случаях делали из грубой льняной ткани, называя их шпонками. Помимо них имели распространение деревянные пуговицы. Штаны, которые некоторые переселенцы называли портками или наговицами, шились из домотканого полотна или сукна. В Сибири мужские штаны переселенцы могли красить лиственничной корой для придания им темнокоричневого цвета. На территории Белоруссии штаны начали красить лишь в конце XIX века. До этого они были белыми, так же, как и рубахи [13, с. 143]. Традиционный женский наряд состоял из длинной холщовой сорочки (рубахи), юбки, фартука или безрукавки [13, с. 126]. В XIX в. в Белоруссии наибольшее распространение имели сорочки с поликами. Их отличительной чертой являлись вставки на плечах между задними и передними полотнищами [13, с. 127]. Такие сорочки могли иметь отложные или стоячие воротники либо четырехугольный вырез без воротника. Сорочки, предназначенные для повседневной жизни и работы, чаще всего шили из грубого полотна. Выходные сорочки изготавливались из тонкого и хорошо отбеленного полотна и чаще всего украшались полосками геометрических узоров красного цвета или сочетания красного и черного цветов на воротниках, манжетах и верхней части рукавов. Ночные рубахи также старались шить из тонкого полотна. В зажиточных семьях верхнюю часть женской сорочки могли делать из ситца или других покупных материалов. Упоминания о распространенных в Белоруссии безрукавках в Сибири встречались не во всех переселенческих деревнях. По сравнению с ними чаще отмечалось ношение фартуков, которые, как правило, шили из тонкого льняного полотна белого цвета и украшали орнаментом. Среди юбок в разных деревнях наибольшее распространение имели саяны, сподницы, поневы и андараки. Часто встречавшиеся у белорусских переселенцев Сибири сподницы, как правило, шились из тонкого

домотканого холста. Андараки изготавливались из шерстяной ткани и чаще всего имели клетчатый узор. Поневы, имевшие распространение у переселенцев из Могилевской губернии, могли иметь как полотняную, так и шерстяную основу. Саяны чаще имели портяную основу, которая «подтыкалась» шерстью, однако среди выходцев из восточного Полесья встречались описания саянов из льняного полотна. Е.Ф. Фурсова отмечает уникальность упоминания саянов в Сибири, так как они имеют очень древнее происхождение и в XIX в. уже начали выходить из повседневного обихода белорусов [14, с. 231].

К наиболее распространенным видам верхней одежды белорусов относят изготовленную из домотканого сукна свиту (свитку, сермягу и др.) и овчинный тулуп – кожух. При этом следует иметь в виду, что в разных регионах Белоруссии одинаковая по покрою и материалу верхняя одежда часто имела разные названия [13, с. 152]. По отношению к верхней межсезонной одежде, близкой по типологии к свите, потомки белорусских переселенцев чаще использовали такие характерные для русских старожилов названия, как шабур и зипун. На территории Сибири у белорусов со временем все чаще стали получать распространение меховые шубы, полшубки и тулупы из овчины, принципы изготовления которых заимствовались у русского старожильского населения. При этом мужская и женская верхняя одежда белорусов, как правило, не имела существенных различий. Исключение могли составлять лишь длина, цвет и наличие декоративного оформления некоторых видов верхней женской одежды. Рукавицы, носки и чулки вязали из овечьей шерсти. Головной убор являлся важным элементом одежды, который идентифицировал возрастную группу и семейное положение женщины. Девушки часто ходили с непокрытой головой. Замужние женщины обязательно покрывали голову платком или намиткой, а также нередко носили чепцы. В разных регионах Сибири и Дальнего Востока можно встретить рассказы о том, что к середине XX в. наиболее распространенными женскими головными уборами оставались платки. Во многих переселенческих деревнях

их называли белорусским словом «хустка». Особенно стойким употреблением этого названия было у выходцев из центральных и западных регионов Белоруссии, тогда как некоторые переселенцы из восточного Полесья наряду с ним изначально использовали русское слово «платок». В случае отсутствия покупных тканей, летние платки шили из тонкого домотканого полотна. Зимой женщины носили шерстяные платки и шали.

Полевые материалы, собранные в Тулунском районе, указывают на то, что ткачество занимало особое место. Оно было важной частью образа жизни, почти в каждом селе излюбленным занятием было узорное – ремизное ткачество, ткали повседневную и праздничную одежду из льна, незаменимые в избе половики, скатерти, полотенца. Традиционные виды одежды белорусских крестьян-переселенцев продолжали играть важную роль в их бытовой культуре в период с конца XIX в. до середины XX века. За этот отрезок времени традиционный комплекс одежды белорусов претерпел на новом месте ряд трансформаций, связанных с необходимостью адаптации переселенцев к иным природно-климатическим условиям, заимствованиями у нового этнического окружения, а также общими процессами модернизации жизненного уклада. Но важно, что мастерство передавалось из поколения в поколение, от матери к дочери, от бабушки к внучке. Секреты узоров, способы окрашивания нитей, техники плетения – все это хранилось в семьях как наследие. Особое внимание уделялось подготовке сырья. Лен выращивали на собственных полях, тщательно обрабатывали, пряли нити вручную. Красители для нитей получали из природных материалов: коры деревьев, трав, ягод. Этот процесс был трудоемким, но он позволял создавать ткани с неповторимыми оттенками и высокой прочностью. Ткачество не просто обеспечивало крестьян необходимыми предметами быта, но и играло важную роль в обрядах и традициях. Рушники с вышитыми оберегами использовались в свадебных церемониях, при рождении ребенка, в похоронных обрядах. Тканые пояса и рубахи считались символами защиты и благополучия. Сегодня традиции ткачества в Тулунском районе поддерживаются благодаря усилиям местных

мастеров и энтузиастов. Проводятся мастер-классы, организуются выставки, создаются музеи, где можно увидеть старинные ткацкие станки и образцы узорных тканей. Возрождение этого ремесла позволяет сохранить связь с прошлым и передать будущим поколениям культурное наследие.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Рис. 1 Колодец-журавль в д. Верхний Бурбук

Рис. 2 Поленница

Рис. 3 Печь в д. Нижний Бурбук

Рис. 4. Образец сновалки село Умыган.

Рис. 5. Образец сновалки село Нижний Бурбук.

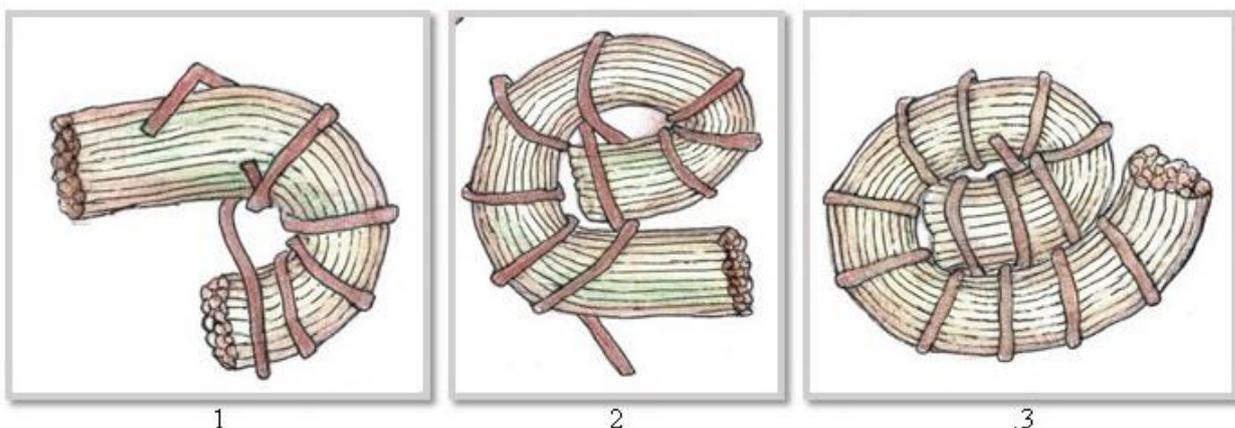

Рис. 6. 1. Конец пучка обкручивается лозой, загибается на 1–2 см и стягивается с основным телом пучка, свернув его в плотное колечко.

Рис. 6.2. Свободный конец пучка огибают вокруг согнутого конца в сердцевинке и повторно стягивают с пучком формируя первый виток спирали

Рис. 6.3. Натяжение нити или ленты, чтобы плетение получилось ровным и прочным

Рис. 7. Образцы изделий Лисицкой Е.А., выполненные в технике спирального плетения, 2021 г.

Рис. 8. Экспозиция в рамках реализации проекта «Рукодельная изба: все в наших руках». 2022 г.

Список литературы.

1. Г.В. Афанасьева – Медведева. Сборник «Традиционная народная культура Прибайкалья». 1997 г.
2. Аболина Л.А. Некоторые особенности и детали строительной культуры Белорусских переселенцев в Тарском районе (по результатам экспедиции 2013 г.) // Материалы VII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 420-летию со дня основания г. Тара. Омск, 2014. С. 6-12.
3. Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Элементы белорусских архитектурных традиций в строительной культуре семейских Забайкалья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №2. С. 159-167.
4. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2011.
5. Фурсова Е.Ф., Федоров Р.Ю., Шитова Н.И., Голубкова О.В., Васеха М.В. Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) // Отв. ред. Е.В. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. □ 284 с.
6. Федоров Р.Ю., Аболина Л.А. Региональные особенности народной архитектуры Ольгинского и Чугуевского районов Приморского края // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. №4. С. 11-21.
7. Лаврентьева Л.С. Соломоплетение в России (на материалах коллекции МАЭ РАН) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб: МАЭ РАН, 2014.– 249 с.
8. Соломоплетение Беларуси включено в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО // БЕЛТА – Новости Беларуси. – URL: <https://www.belta.by/culture/view/solomopletenie-belarusi-vkljucheno-v->

[spisok-nematerialnogo-kulturnogo-nasledija-junesko-537850-2022/](https://www.rulit.me/books/spisok-nematerialnogo-kulturnogo-nasledija-junesko-537850-2022/) (дата обращения 10.12.2024).

9. Ходор Г.Н, Коваль И.М. Подготовка номинации по элементу нематериального историко-культурного наследия «Соломоплетение Беларуси: искусство, ремесло, умения». Популяризация художественных практик соломоплетения в условиях дополнительного образования // Сохранение нематериального историко-культурного наследия стран СНГ в контексте глобальных вызовов: Междунар. науч.-практ. семинар, Минск, 15-17 нояб. 2022 г.: сб. науч. ст. Минск: БГУКИ, 2022. – 380 с.
10. Журнал «Вокруг света». № 6 1983г. <https://www.rulit.me/books/zhurnal-vokrug-sveta-06-za-1983-god-read-272277-49.html>.
11. И.И. Пядушкина. По материалам этнографической экспедиции 1995 г. Сборник «Традиционная народная культура Прибайкалья». 1997 г.
12. Р. Ю. Федоров. Традиционная одежда белорусских крестьян – переселенцев Сибири и Дальнего Востока: исходные особенности и трансформации. / Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. – 10 с.
13. Молчанова, Л. А. Материальная культура белорусов / Л. А. Молчанова. – Минск : Наука и техника, 1968. – 232 с.
14. Фурсова, Е. Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX – первая треть XX века) / Е. Ф. Фурсова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 296 с.
15. Федоров, Р. Ю. Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района Иркутской области: маркеры идентичности / Р. Ю. Федоров, Л. А. Аболина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – №4(43). – С. 147–155.